

Влад Доронин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сквозь туман

Борис Дмитриевич Влад Доронин

СКВОЗЬ туман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48405495

SelfPub; 2019

Аннотация

"Сквозь туман" это рассказ-поиск. Нырните в него и, может быть, найдёте путь туда, куда и не думали попадать. Содержит нецензурную брань.

Кажется иногда, что туман, нависший над разлившейся по берегам реки заводью города смотрит в глаза и посмеивается. Он нахально струится в холодном воздухе миллионными потоками и слабый ветер лишь следует за его движениями, как подобострастная тварь. И сырость клубится в воздухе и переливается из одного потока в другой, наполняя спящий город своим тяжелым дыханием. Сырость стучится в каждый дом, в каждое замершее в темноте окно, но ни одно ее не впускает и в таком противостоянии они, окна и сырость, проводят вот уже которую ночь. Хочется отойти от окна и упереть взгляд в любимую и приятную гладь потолка, но руки не отрываются от подоконника, а лоб все так же устало упирается в стекло...

Тысячи, тысячи окон зияют провалами в холодном тумане. И видно, как туман стремиться проникнуть в каждое окно и одновременно касается каждого. И за каждым противящимся напору сырости стеклом недвижима простая и однообразная обстановка жилых помещений. Но ни в одно из этого океана окон он не может просочиться, и все окна собираются в своей борьбе с ним в большую и единую армию, только разделенные светлыми полосками стен они не сливаются воедино, а смотрят наружу толпами черных глубиной глаз.

И взгляд пропадает в смутном теле тумана и кажется, что можно чувствовать его чувства, и думать его мысли, и видеть его зрением... Но не получается, и ощущая свое превосход-

ство туман продолжает видеть все сразу и улыбается прямо в глаза, которые видят только сливающийся в одно туман.

Вот постепенно светает и туман становится более густым и пышным. За окнами начинают просыпаться люди, об этом можно судить по тому, что все чаще и чаще вспыхивает в каком либо из окон свет. Потом свет тухнет и это значит что люди ушли из дома. Потом свет в окнах перестает гореть совсем и туман куда то уходит, это значит, что наступил день. И тогда отрываясь от чего то черного и непонятного загорается новая мысль в так и не загоревшемся сегодня окне.

«Хочется спать? Нет... Что тогда?..»

Мысли текут вроде и ровно, но где то вдалеке, так, что пока ни одна еще отчетливо не видна. Самое приятное ощущение. Тело расслабленное, дыхание глубокое, усталость такая, какую бы всегда хотелось ощущать – отдохнувшая.

«Что тогда?..»

Ноги и руки сами начинают слегка напрягаться, заставляя что то там внутри ускоряться и шевелиться задорнее. Усталым движением руки вытягивают свои мышцы за голову и наслаждаются напряжением. Глаза нехотя пропускают кусочек света и тут же закрываются, вновь возвращая тело в приятную негу.

«Так что же, если спать не хочется?..»

Нехотя отрывается одна мысль и дает себя разглядеть: «Вставать, что ли?»

Спина ощущает надежную жесткость матраса, а ноги и

грудь мягкую пелену одеяла. Тепло кажется пронизывает все тело насквозь, от груди до поясницы. Оно ?вроде и течет то туда, то сюда медлительным и плотным потоком, а вроде и неподвижно, и просто заполняет все пространство вокруг. Приятное тепло... От мелкой дрожи удовольствия стремиться друг к другу плечи и бесстыдно-счастливая улыбка на секунду появляется на губах. Глаза снова приоткрываются на мгновение и тогда громче начинает говорить что то внутри.

«Вставать! Зачем лежать? Да... Сейчас встаю, быстренько кушаю... »

Мысль уходит куда то. Глаза открываются и какое то время смотрят в потолок, но глядя в одну ничем непримечательную точку они молчат и ничем не радуют пробуждающееся сознание. Не говорить же нельзя, и не глаза, так образы начинают возникать на белом полотне потолка. Полусонные картинки отвлекают внимание от нерадивых глаз и снова переносят в пограничный мир.

...Ноги легко идут по мягкой дороге. Дорогу не видно, да и вокруг почти ничего не видно – это белый туман насыщенный тонким солнечным светом окутывает все вокруг; только чувствуется как двигаются... то ли ноги вперед, то ли камешки на дороге навстречу. Ощущение покоя и легкости – снова легкая зыбь покрывает спину и руки. А свет все горит и горит, ноги двигаются.

«Куда? Зачем?»

Без вопросов. Не нужно вопросов когда все прекрасно.

Свет продолжает слепить все внутри и тепло от лучей жарким приливом заставляет распахнуть одеяло.

«Куда?»

Никуда. Просто приятно идти в этом свете, ощущать его всем телом, всей душой.

«Куда?». Настырный вопрос раздражается и звучит все громче. Ему скучно, он требует развлечения.

«Ну куда... Вот в парк.., нет, в центр города, там хорошо погулять». Ноги медленно двигаются, не касаясь мощеной плитки тротуара. Свет. Вокруг... Вокруг... Картинка центра города блеклая и некрасивая. Не удастся увидеть этот центр, быстрый, мелькающий, красивый с фасадами, полный с людьми – не получается. «В парк, значит... в парк». Ноги двигаются, свет горит...

Приятно идти по чуть слышно скрипящему снежку этой дорожки, слушать, как шуршит в воздухе снежинки и чувствовать прикосновение холода. Нет, нет... Вокруг сухо и летне! Светит жаркое солнце. И приятно идти по дорожке окруженной зеленоцветными ковриками. Не слышно, но птицы поют. Не видно далеко вокруг, но везде все зеленеет и радуется. Ноги мягко двигаются, жаркий свет...

«Зачем?»

Зачем... Зачем?..

Вот вдалеке показалась симпатичная женщина. Она идет навстречу и старается не замечать его. Легкая усмешка скользит по его губам. Женщина проходит мимо. Тепло от

света начинает медленно и приятно концентрироваться в одном месте, сам свет тухнет оставляя место только этому образу.

– Ой! – Сзади слышится тонкий вскрик. Ну конечно – она сидит на дорожке и держится за ногу.

– Вам помочь?

– Даже не знаю. – Она беспомощно смотрит в его глаза..

Он присаживается рядом и бережно касается ее ножки. Здесь?

– Да

Возникает острое желание поцеловать эту вкусную ножку, но уверенный голос внутри говорит – не хочу... Сильными руками он массирует ей стопу. Поднимает на ноги. Под ее просящим взглядом он желает ей удачи и разворачиваясь возвращается к нарушенному уединению прогулки.

Нет, нет... Он несет ее на руках домой. Домой.. к себе. Нет лучше к ней. Она наполняет его каким то божественным ароматом, когда он все тяжелее дыша поднимается по лестнице. Ее грудь плотно и доверчиво прижимается к его груди, а близкие глаза слегка вздрагивают от его прямых взоров. Шаг за шагом плавно качаются они вместе, поднимаясь вверх.

Он берет ее ключи и открывает дверь. «Как я могу вас отблагодарить», спрашивает она, глядя ему в глаза, когда он нежно кладет ее на диван в гостиной. В глаза... – сон вздрагивает, нет, нет, лучше не так...

...Он, улыбаясь, нежно ставит ее на пол возле двери. Она, неловко стоя на одной ноге открывает ее.

–Надеюсь, дальше вы допрыгаете, – он с улыбкой смотрит на нее.

–Да. – почти шепотом произносит она.

Он медленно начинает спускаться. Посмеиваясь в душе, он ожидает: когда же?

–Постойте. – Она почти плача быстро подбегает, к перилам. От волнения она забыла хромать.

Он останавливается и смотрит на нее.

–Как...Как я смогу отблагодарить Вас. – С придыханием волнения и признавая свое поражение произносит она.

Он быстрыми шагами поднимается и жесткий поцелуй сминает ее, когда она снова оказывается на его руках. Проносятся мимо почти неразличимые двери и вот уже сильные руки стягивают кофточку и охватывают распяляющееся, но еще скованное целомудрием тело и тепло взрывается и распирает его грудь нарастающей волной желания.

Член пульсируя приподнимает одеяло и рука, как в забытьи, начинает медленно сжимать его одновременно с тем, как глаза под тенью век продолжают смотреть за разгорающейся сценой. Рука нежно ласкает – и это не его рука, а рука той, что с перекошенным от страсти лицом смотрит сейчас на него и сжимая губы и стоня от удовольствия медленно подтягивает его к себе. Вот, вот...

Он в резко отбросил одеяло и чертыхаясь в душе соскочил с кровати. Он не посмотрел под ноги и подскользнувшись на лежащей на полу книге вырвал ногой часть страницы, сам при этом чуть не упав. Взмолнованно дыша он некоторое время стоял посреди комнаты, стараясь не опускать взгляд и ожидая пока кровь успокоится.

«Ну что? Что? Что так волноваться...» Он несколько раз прошел по комнате. Дыхание наконец выровнялось. «...ничего страшного в этом нет... Во сне тем более... Во сне...»

Он присел на корточки у разорванного тома энциклопедии и сосчитал разорванные листы. Тринадцать. Бумага слишком тонкая. Но ничего страшного, чинится просто. Нужно купить широкий скотч и аккуратно приложить его на разрыв. Все будет нормально, если... Мать очень печется о своих книгах... Но ничего, тома энциклопедии она никогда не достает, нечего волноваться. Да и почему нужно волноваться. Что она? Старая женщина. Мать, конечно, но...

Он положил порванный том на стол и закрыл его, затем взял валяющуюся на столе газету и записал на ее краю номер страницы с которой начинались разрывы. Сейчас книга будет поставлена на место, позже открыта по этой записке и заклеена. Мать ничего не узнает. Все.

Ожидая яркого потока, который бы ослепил глаза он перегнулся через стоящий у окна стол и распахнул, насколько хватило рук шторы. Поток не оказался. То, что через плотную ткань было похоже на яркий солнечный свет, приняло

вид серого ненастного дня.

Ну ладно, ничего. Поесть быстренько, прогуляться, может быть... Потом что? Да, доделать кроссворд. Вчера не смог, но там было хорошо. Что же, что же... Что же вчера... Да. ПЕРКУССИЯ, да. Болезни зубов. Он взял валяющуюся на полу у стены газету. Как красиво там было... А? Как он его сделал. Он подошел к столу, положил газету поверх поврежденной книги и оперся над ней на руки. Здорово. Как я вчера! Ведь нашел, нашел!

Он горделиво потер под майкой живот. Коснувшись при этом резинки трусов, он вдруг вздрогнул и принялся деловито натягивать на себя штаны. В углу было пыльно и поэтому на штанах резными рисунками отпечатались те места, которыми они соприкасались с полом.

«Поем, подмету пол... Да вообще надо бы убраться... Да... Надо бы... Убраться... Потом что?.. Прогуляться, да?»
» Зачем то мести пол, зная, что назавтра он будет грязным. Мести ради того, чтобы доказать себе, что можешь и способен? Итак известно, что способен, что тут сложного – взял подмел. Нет, незачем тратить драгоценное время на такие мелочи. Это почти то же самое, что удовлетворять желание – пришло в голову красивое сравнение, – известно что завтра снова будет. Зачем? Ктонибудь это понимает? Кто то и понимает. Все остальные подметают свой пол.

Он с улыбкой на губах снова подошел к окну. Глаза смотрели сверху надвигающихся людей. «Вон они. Как их толь-

ко не обзывали – илоты, пролетариат, толпа...» – глаза лишь скользнули по выходящему из красивой машины человеку – «...пролетариат, санкюлоты... слова меняются и будут меняться, а эти все ходят и ходят туда-сюда и... подметают пол.» Он снова грустно усмехнулся.

«На прогулку? Может не надо? Незачем тратить время на шатание... Грязь, солнца нет... Зачем? Лучше прочитать статейку что вчера скачал... Да!! Очень хорошее начало было, но не дала ведь дочитать вчера. Совсем забыл. А? Ну что ты поделаешь. Мать... Таковую вещь! Быстренько поесть и...»

Он заторопился. Скинул ночную майку и накинул рубашку. Хорошая рубашка, притно провести по ней рукой – сам купил, очень теплая и мягкая... «Удобно. А, что здесь, порвалась? А?!!» Он схватился за нижний край. «Нет, показалось, всего лишь ткань на заплату. Удобно – тряпочка пришита, на замену, чтобы если порвется рубашка, можно было легко восстановить. Вот не помню, на наших рубашках тоже такие вешают?... Не уверен. Все же ругай не ругай этих заграничных уродов, а они кое что умеют делать, рубашки например... И гамбургеры... И пол подметать...» Он вышел из комнаты и сладко зевая и почесывая задницу направился в ванную комнату.

Мать что то там копошилась на кухне. Он краем глаза видел, что она обернулась и хотела поздороваться, но останавливаться не стал. Не хотелось. В зеркале напротив входа мелькнуло заспанное лицо и всклокоченная прическа. Он за-

перся, и включив теплую воду, с удовольствием начал плюхать ею о лицо...

Хорошо. Довольный, он распрямил спину и посмотрел на отражение в зеркале. Глаза на секунду задержались на легкой улыбке блуждающей на губах, потом на непримиримой прическе, вдруг увидели сами себя и сразу же убежали куда то вбок, оставив в сознании после этого соприкосновения волнуящее ощущение электрического разряда..

Остановившись на лежащей на полочке бритве глаза помогли руке взять ее. «Нет. Сначала...» Он намылил кисточкой щетину. «Что там эти дураки в рекламе показывают.» Он повернул к зеркалу правую щеку. «Как мужчина когда бреется мечтает о каких то заоблачных далях? Н-да... В психологии не разбираются совсем.» Глаза в отражении согласно изображают непонимание этих дебилов, но снова лишь мгновение. «...Каждый нормальный человек когда бреется думает только о том...» Левая щека довольно удачно... Да... «...думает, чтобы рукой правильно двигать. Они что про рефлексию не слышали? Скажем... Если бреешься современной бритвой... Да... То, конечно, думать руке приходится гораздо меньше, чем если скажем... бреешься опасной бритвой... или топором например» – он усмехнулся. «Но все равно говорить о том, что внимание все куда то улетает нельзя... Эх!» Рука дрогнула и на подбородке выступила маленькая капелька крови. «И так то порезаться можно, ни о чем не думая, А они: помечтай...О самолетах! Дебилы!» И закон-

чив бритье и слегка морщась смыл остатки пены с лица.

Причесывая непослушную кипу волос, он снова пристально посмотрел в свое отражение. Глаза вздрогнув упали вниз и приникли к белеющему между незастегнутых пол рубашки провалу слабой груди: он вспомнил как недавно поднимался по лестнице и все тяжелее дышал от усталости и от... на какой этаж? На высокий какой то... Он смотрел на свою слабую грудь и тонкие руки. «Ребенка маленького по лестнице не поднять... Не то, что...»

Плитка на полу совсем потрескалась. Когда они клали ее с отцом, нужно было добавлять больше песка в смесь... Он говорил ему это... А сейчас все и сыграло: смесь держала плохо и плитка начала покачиваться – вот и результат... Плитку переключивать... Он распрямил упавшие немного плечи и взгляд и вышел из ванной.

–Коля, Коля, ты освободился?, – Мать стояла в коридоре и держала в руках трубку закрывая ее рукой.

–Давай.

–Он будет с вами говорить, – произнесла мать в трубку, и прошептала вновь ее зажав, – Доброе утро...

Николай кивнул ей и неторопливо принял трубку.

–Да.

–Николай? Это Шмаков.. Лексеич, дело такое нужно помочь сегодня. Во вторую смену.

–Да? – мысль замедлилась. «Начальник... серьезный... Статья... погулять...»

–Эфир срывается, Крушкин болеет, я уезжаю сегодня –
нужно, нужно выйти...

«А Лесников? Вовка Пухов? Галина Дмитриевна...»

–Хорошо... Хорошо... Да.

– Угу, – короткие гудки.

–

Ну что ты будешь делать! – громко сказал Николай.

–

Что-то случилось на работе? – Мать прибежала с кухни.

–

Да нужно им помочь... Во вторую смену. Отказаться
неудобно. Если начальник просит...

–

Он тебя сам попросил? Да? Приятный голос у начальника.
Умный.

«При чем здесь умный? Умный-разумный. Попросил...»

–Да, сам попросил... Отказаться неудобно поеду к четы-
рем. Пожрать есть?

«Пожрать, такого слова она не любит...» Глаза быстро
глянули на мать. Она укоризненно молча пошла на кух-
ню. «Пожрать-пожратьпожратьпожрать, пожрать-пожрать-
пожратьпожрать – какая разница какими словами петь пе-
сенку... Красиво, снова красиво...»

Он уселся в углу кухни и включил телевизор. Глаза слу-
чайно поймали стрелку часов висящих над дверью.

–Уже два?

–Да Коля... А что, ты что то хотел сделать.– Мать повернулась к нему с вопросом.

–Да какая разница.– махнул он на нее рукой и продолжил переключать каналы.

–Да, теперь... Да... – мать торопливо отвернулась к плите. Перед глазами мерцали картинки. Картинки не нравились. Картинки вызывали только раздражение. Пальцы продолжали нажимать на кнопки. Глаза все больше раздражаясь смотрели на бессмысленно вещающий экран. Он безразлично оттолкнул пульт, оставив случайный канал.

–Сколько тебе положить, Коля? – мать поднесла пышащую дымом кастрюльку. Резкое чувство голода пробило внутренности «...вкус картошки...». Во рту образовалось почти физическое ощущение этого вкуса, скулы слегка свело.

–Много. – Николай потер руки и произнес с неожиданно обуявшей голос бодростью.

–Сейчас сосиски будут, подожди чуть-чуть, – сказала мать с улыбкою.

Аппетитно дымящаяся картошка появилась перед ним. Испытывая дрожащее чувство близкого счастья, Николай аккуратно разложил на дымящиеся куски картошки масло. Глаза то и дело скользили по тающим кусочкам, замечая, как волнистым потоком сползает расплавленная масса, но отвлекаться нельзя – хлеб сложно резать вслепую.

–Коля подожди...

Но поздно. Откусив большой кусок хлеба, Николай со вздохом разломил вилкой первую картошину, выпустив из нее очередной комок пара и послал вдогонку хлебу.

–Коля, дай сосиски положить, – мать мешалась под руку и не давала насладиться прекрасным вкусом.

–Клади, клади, на... – Он резко пододвинул тарелку.

–Нужно же все сразу... Так вкуснее... – улыбалась победе мать.

Жаркие кусочки блаженно проскальзывали внутрь. Просто счастье какое-то. Этот вкус... Челюсти торопливо и с содроганием пытаются перемолоть еду, но горло вытягивает куски из их зубов. Еще вкуса. Кусить картошку, потом сосиску, потом хлеб. Пожевать. Кусить еще... Пожевать. «... что может быть...». Хорошо. Пожевать...

Николай взял еще картошки. Можно было бы есть вечно, но глаза мешали – они то и дело останавливались на часах. Там длинная стрелка опускалась все ниже и ниже, к месту где будет пора выходить. Ну еще немного. Николай взял еще одну картофелину, намазал ее маслом и, уже посапывая от усталости, медленно прожевал.

–

Фу... Мать, спасибо. Хорошо... – Он положил руки на животик. – Хорошо, – протянул еще раз.

–На здоровье – улыбнулась она.

Нужно вставать. Не хочется. Нужно в сортир. Николай тяжело поднялся, и ковыляя от тяжелящей живот картошки

пошел в туалет. ...

...Раздался знакомый и всегда радостный звук закрываемой двери: звук шумящей воды бывший до этого таким громким вдруг резко приглушился и остался где то позади, как и все хорошее. Ощущение тяжести не покинуло его, сейчас хорошо бы лечь на кровать и получить еще немалую порцию удовольствия от выходного дня, но... «нужно помочь» ... всплывает солидный басистый голос. Уже пора выходить.

Не торопясь и стараясь меньше беспокоить очумевший от радости живот, Николай прошел в комнату и начал стягивать штаны и кажущуюся еще более родной и мягкой рубашку. Тело против воли присело на кровать и бессильно упало, откинувшись назад. «Вставать... вставать...» Некоторое время Николай безуспешно боролся с собой. Что то гнало вперед, а что то требовало остаться. Было почти невозможно поменять такое близкое и манящее удовольствие на нежеланную обязанность работы. Долго и вслух вздохнув, он встал, достал из шкафа рубашку, свитер и брюки и начал без энтузиазма облачать в них свое тело.

Новые джинсы налезали с трудом и Николай втянул живот, чувствуя при этом как картошка пихает его под дых. Джинсы все равно не застегивались... Еще раз. Не получается. Ну что ты будешь делать. Николай покопался руками на нижней полке шкафа. Какой то старый ремешок. А, сойдет... – он махнул рукой, приладил и застегнул ремень и проверяя как сидят на ремне расстегнутые штаны и не видно ли что

они расстегнуты из под свитера, вышел в коридор.

–Ну что, сынок, ты сегодня поздно, получается?

–Нет, получается завтра рано... Не знаю... Никогда во вторую не работал.

Николай с трудом нагнулся и сопя натянул ботинки. Надел куртку.

–Ну пока.

–Счастливо, сынок, – ее лицо вспыхнуло вдруг освещенное светом лампочки, глаза на мгновение остановились на ней, маленькой, серенькой, старой и пошагали навстречу пролеты лесницы.

Сложно. «Спать... Но воздух свежий... Что там за кошка лежала на батарее... Что...» Он вышел из подъезда.

–Николай!

Николай вздрогнул.

–Николай, стой.

«Кто... А... Сосед.»

–Добрый день, – он протянул руку подошедшему мужчине.

–Добрый день, Николай... – и понесся неудержимый поток из вопросов и ответов: – А ты.... А я ... А как у тебя ... Как мать?.. Что то ты давно... А я вот...

Николай односложно отвечал, поднимал на него глаза и все силился улыбнуться в ответ на сияющую радостью улыбку. Человек болтал похлопывая Николая по спине и размахивая руками, над чем то смеялся и ожидал единодушия и от

него. И Николай посмеивался и вновь опускал глаза и чувствовал тяжесть в желудке и думал о том, сколько сейчас времени.

– Ну дак ты на прогулку сейчас?, – впервые ослабил свой напор сосед и сделал маленькую паузу, как бы ожидая ответа

– Не... – попытался сказать Николай, но человек видимо отсчитав в уме необходимую на ответ секунду, вновь продолжил:

– Ну знаешь тогда, подожди меня, я сейчас отнесу это домой, – он потряс в воздухе пакетом с торчащими из него деревяшками, – отнесу, и пойдем вместе – он последний раз хлопнул Николая по плечу и развернувшись поспешил в подъезд, – Подожди меня пять минут...

– Сергей..., – тихим голосом начал Николай, но догонять того было бессмысленно, двери лифта уже захлопнулись.

«Ждать...» Николай задумчиво стоял перед подъездом. «Время... скорее...» Он уже было пошел вперед, но снова остановился и посмотрел в дверной проем. «Ждать... ждать... что делать?». Николай занервничал и заметался. Перед глазами суетливо сменяли друг друга слякотная дорожка и черный проем подъезда и тело то порывалось к движению, то замирало ожидая. «Ждать...» и звучал голос знакомого, который обидется если... «Не ждать...» и слышался сухой бас начальника... «нет... да...» К каждому варианту решения вопроса следовал свой вариант развития событий и какой нужно было избрать решить он не мог. «Обидется...

но не ждать же... или подняться наверх и сказать... опаздываю... подняться... А!...» он все еще сомневаясь развернулся и пошел, уставившись в землю.

«Ну что же такого, пойдет один...» ноги старательно огибают лужи рождающиеся из толстых наростов льда на дороге. Глаза останавливаются на клочках бумаги и упаковки, показавшихся из под тающего снега. «Потом позвоню... Да, извинюсь... Неприлично...» Он чуть подвинул плечо, чтобы не столкнуться с кем то, кто шел ему на встречу. «Правильно сделал, так и надо...». Николай дышит тяжело и глубоко и старается идти неспеша, но ноги сами выбирают ритм ходьбы и быстро и мелко подпрыгивает мир вокруг и быстро вырастает, приближаясь станция метро.

«Правильно... правильно... Но как это вообще – правильно? Как можно быть уверенным в правоте? Да... Как... Все ведь, что я делаю относительно. Правильно? Правильно! Значит ничего верно сделать вообще нельзя. Но как тогда...» Вокруг становится плотно и темно от появившихся людей. Николай идет вместе с ними вперед, а глаза ему помогают, выискивая свободную дорогу в мелькающий кутерьме ног. «Правильно... Нельзя вообще ничего сделать правильно, потому что... Потому что то, что правильно кто то устанавливает, а он может быть не прав...»

Николай прошел в метро и преодолел турникеты. «Так что понятие правильности... Как сказать...»... «Люди...» – пронеслась вдруг вдалеке тихая мысль. «Правильность – то, что

по правилам... А правила...». Глаза упали на поднимающуюся навстречу вереницу людей. Они были отделены от него широким пространством и сливаясь в равномерный поток, в единую массу текли куда то. «...ну или это... старая мысль... Как это представить?». «Толпа». «Да, толпа...», и навстречу ему поднимается непрерывный поток людей... «Людей» – он уже задумывается и эти слова задерживают его внимание «Да... толпа.», и взгляд снова скользит по поднимающимся навстречу. Самое интересное, что он видит не бесконечный серый поток а розовые или желтоватые лица, все отдельные и каое непохожее на других. И вот стоящая в его воображении и называемая одним емким словом «толпа» безграничная масса людей начинает волноваться и вдруг из каждой серой головы куда то вверх и в стороны поднимаются слепящие струи и струи всех этих бесконечных голов сливаются в один огромный и безбрежный океан.

«Ну еще раз. Если каждый человек единичен и каждый... Ну...» Мысль останавливается и глаза продолжают перебегать с лица на лицо. Ноги уже готовы к движению и идут, а глаза продолжают бросаться на встречные лица. «Каждый человек... Вот человек... И вот... Ну так что же... Да, да человек, каждый человек...». Мысль останавливается вновь и он некоторое время идет подавленный количеством встречных лиц.

«Если бы показать этот поезд дикарю, он точно принял бы его за злого бога ветра» – поезд затихая гулом остановился и

Николай быстро сориентировавшись встал первым у замершей двери. Еще через закрытую дверь он приметил свободное место и только она открылась быстрым шагом прошел внутрь и сел. Когда поезд тронулся Николай закрыл глаза и снова, с напряжением сосредоточился на мысли. «Если... Человек такой же как я... Вот, точно... Я думаю и имею в голове целый мир, свой мир...» В сознании сразу всплыли какие то ненужные отвлеченные картинки: и Земля вращающаяся в космосе и какая то бескрайняя равнина и деревенская речка, в которой он так любил купаться в детстве... «Нет...» он поморщился «Так... И вот сейчас вижу я их и каждый видит меня... А у меня... А у всех них...» И снова мысль смешивается и что то неохватное и грандиозное заменяет слово «они» и как в стену упирается в это слово сознание и начинает поблескивая переливаться безбрежный океан.

«Как их... понять... что ли?» И глаза открываются и быстро пробегают по стоящим вокруг людям, но даже в этом вагоне их столько, что представить каждого как что то длительное не получается. И глаза закрываются вновь и вновь Николай говорит внутри.

«Человек... Понятно, что только набор материи... Да?» спрашивает он себя и отвечает: «Да». «Если набор, значит в принципе он замкнут и сам весь в себе... И нет ни мыслей ни разума, только обмен веществ...» «Но ведь они есть! Они материальны.. Я их чувствую!..» И снова, как в подтверждение тому, что он может чувствовать мысли внимание отвле-

кается в сторону нашептывающими образами и вспоминаются думанные когда то мысли, виденные лица, ощущения, которые приносили радость, как тогда, когда он лежал на берегу и солнце...

«Ну что хоть одного что ли понять... Вот сидит человек..» Николай уже давно открыл глаза и с упоением наблюдает за людьми. «Для меня он, грубо говоря картинка, но я для него тоже... А я ведь далеко не картинка... Но и он тогда...» Он приникает глазами к сидящему напротив человеку, но тот вдруг смотрит ему в глаза прямо и строго. Глаза Николая отскакивают от этого взгляда и некоторое время смотрят в никуда, но потом находят себе новый объект.

«Вот бабка сидит... Бабка как бабка, а ты попробуй понять что это за бабка... Ну смотри, смотри... Наверное тупая, склочная... Злится постоянно и ничего в жизни не понимает... Вот глаза какие злые...»

«Смотрит, чего смотрит пентюх? Пялится, зыркает... Шпирахет этакий... Че лыбится то, шепчет там что то... Дурачок! А похож ведь... Черненький какой... Похож то как!..»

...Маленький черноволосый парнишка вбегает в желтую от старости картинку помещения. «Ребята, там квас привезли!..» «Ты что какой квас? – это если повернуть голову налево можно увидеть пожилого мужчину. – Самый настоящий. Дядя Гриша в Городе где то выбил, к магазину поставил...» «Пойдем, пойдем быстрее», это девчонки шепчутся и смеясь выбегают в раскрытую на летнюю улицу дверь, мужчи-

на встает и посмеиваясь выходит: «Квас... Да... Ну что ж...» Парнишка оборачивается и глядя прямо в глаза говорит «А ты пойдешь?»...

«Такой же был... тоже лыбился все... Петечка... Где?..» Глаза проводили вскочившего дурачка и немного поволновавшись нашли трещину на полу... «Радость... сколько радости... давно... Петечка...»

– Ну все мать, поедем с тобой в город, – это он сидит за столом перед дымящейся тарелкой, говорит весело и ласково: она же пугается и надо успокаивать. Будем жить там, долго, может всю жизнь... -Ты бы мне картошечки еще... Ну не суетись, не суетись... Рада?..

«Картошечку любил... Как любил...» глаза затуманенные мечтами не видят ничего вокруг. «Картошка то кончилась почти...» вдруг уколом взволновала ее мысль. «Петя придет, а вдруг картошки захочет? Ой, ой... Быстрее бы картошки...» Глаза уже оторвались от созерцания и смотрят куда то вперед, не туда, где впереди качаются привязанные друг за другом стеклышки вагонов, а гораздо дальше, туда где можно купить картошки и мысль теперь только одна и большая....

«Картошка.» Слава богу, поезд доехал быстро. Не дожидаясь пока он остановиться и все эти... ринуться на выход, она встала и подошла к двери. Вновь тягуче и привычно уперлась в голову спина и как будто одной большой палкой надавила вверх боль из позвоночника. Мысль на мгновение

бросается к своей квартирке, где стоит уютная кушетка, но ноги быстрым шагом подтягивают к эскалатору и застилают сознание слова... «Где ее... На рынке там... Где брала то?... Ой не помню... Искать надо... Донесу уж какнибудь что там картошка... Сварить успею, нет?...» Ноги привычно соскальзывают с движущейся лестницы и пытаюсь не потерять набранную скорость стремятся к выходу и дальше, туда, на рынок... Кто то постоянно оказывается на пути... Как это неудобно – обходить, и ноги делают лишние шаги и глаза с раздражением смотрят в лицо проходящему обидчику. «Два или три... Два... Нет, три... тяжело... Два...»

– Три килограмма картошки... – И наблюдать, чтобы гнили не сунула...

«Не сунула... Жируют гады... Картошку по восемь рублей... Хоть русская-то, а то эти все ... жуки...» Сумка стала еще тяжелее и она постаралась согнуться как можно сильнее, чтобы унять эту ноющую боль в спине. Несмотря на не дающее покоя ощущение, глаза успокоились и удовлетворенно застыли впереди. Перекладывая тяжелую сумку из руки в руку, она торопливо шла к автобусной остановке. Народу на площадке было немного и ей даже удалось присесть и поставить сумку рядом. «Фу...» тихо выдохнула она и губы сами забормотали что то свое, старое и никому не нужное.

«А что там опять строят..?» Глаза не видят вдалеке, но там, позади нового поблескивающего окнами дома снова идет стройка: какой то забор, краны... «Все строят, стро-

ют...»

...Машина плавно катится по проспекту... Утро, солнышко и голубое небо... Шофер лучше знает дорогу и она поэтому молчит... А сердце бьется... Где то вдалеке краны... Строят что то... дома, школы... Хорошо... Новая квартира... И Петечка с Гошей и Олей уже приехали туда наверное... Хорошо то как... Машина сворачивает на дышащую свежестью дорожку... И солнышко где то сверху и сзади и его не видно из кабины грузовика и чувствуется только его свет и радостное тепло...

Глаза угадывают знакомый номер автобуса. «...сумка... Поребрик то низкий... Всегда залезать сложно... Вот сидит то, рожа... И рылом не ведет... А? Паразит, отожрался... Тяжело...» – все сливается в один большой поток...

–

Можно я сумку на край поставлю? – произносит голос с привычной ехидностью.

–

Ой, садитесь, садитесь, пожалуйста, извините не заметил... – рожа засмушалась и поспешно уступила ей место.

« Вот чего он?.. И пищит как баба. Вроде жирный, а голос тонкий... Хорошо, приятно...» Она поставила сумку на колени... «...вопитанный... » – пронеслось в голове и сразу возник образ доброй матери, которая холит, лелеет этого толстого парня и нежно прижимаясь к нему что то говорит – воспитывает. И вновь, без перехода, мысли меняют свое те-

чение и жажда деятельности уступает место тихой ноющей грусти, такой же неотступной, как боль в спине. Застарелой обидой вспыхивает перед глазами образ любимого человека и сразу тускнеет взор, раззадоренный было приятными воспоминаниями, снова падает с резким звуком откуда то обсосанный, как косточка вопрос, но тут же сгорает в уверенном и убивающем свете церковных свечей. Сын... И глаза с ненавистью смотрят на этого толстяка – он чей то сын, и толстяк отводит глаза. И плечики сжимаются, а глаза вновь ищут спасения в сером свете отражающемся от предметов. Они бросаются на улицу, но вдоль дороги такая же серость и грусть, так же на белых когда то сугробах снега толстым черным наростом лежит дорожная грязь. Глаза вновь возвращаются внутрь салона и замирают на близкой и хорошо видной черной палке поручня. Что то эхом звучит в голове и глаза смотрят на интересные сколы и трещинки краски. Мысли настырные и бессовестные, вскакивая в памяти, снова и снова вызывают чувства утраты, обиды и боли, но они привычно уходят куда то вглубь, не касаясь глаз, которые упорно и заинтересованно рассматривают такие нужные сейчас трещинки. Так упорно, что даже слегка увлажняются...

«Грязно? Грязно, да... Домой приеду придется ботики мыть...» вспоминает она вдруг то, что видела за окном. «Как же пойду до дома – грязно... Ой, ой кругом грязь...» Глаза в в поисках подтверждения выглядывают наружу через уголок окна и, приныкая к улице, тускло видят движение се-

ро-черных холмов песка и земли вдоль дороги и на тротуаре и большие черные лужи между ними. «По такой грязи хорошо на машинах ездить... а не ходить нормальным людям пешком... Сначала свои дороги посыпают, чтобы им было удобно, а все потом ходи и перелезай...» И поручень уже не интересен и глаза с нетерпением ждут знакомого пейзажа пробегая по придорожной грязи, а в голове строиться план похода от остановки до дома.

Все проходит. Протянулся перед глазами дом и разбитая асфальтовая дорожка. Стена знакомых зарослей, прерывающаяся то и дело вырванными при починках водопровода клоками. Грязно-пятнистые стены. Через проталины грязного снега еще неживая земля чернеет особенно грустно и все те же навалы грязи... грязи... Глаза скользят по этим картинкам не замечая ничего нового. «Выходить... Ой какая там лужа то... Не пройду... далеко обходить... Почему остановку перед домом не сделали? Как удобно бы было: вышел и в автобус, а тут иди, иди...». Двери открылись и маленькая толпа вылилась на воздух. «Как удачно получилось, не вставала заранее, а сразу на остановке и вышла... Вот как хорошо у дверей сидеть!»

Она медленно оторвалась от автобуса и пошла к переходу через дорогу в надежде, что лужа будет неглубокой. Но нет, глубоко. Молодежь издевательски прыгала через не очень широкую полосу воды, даже эта пискля разбежалась и прыгнула колыхая свою жопу. «Сумка...» напомнила спи-

на, «да, сумка...» А тут лужа... Глаза смотрят туда, потом туда, в обе стороны лужа одинаково длинна и глубока...

«Сумка... лужа...су...» С легким вздохом она повернулась налево и сгорбившись пошла искать край лужи. «Далеко до края... Далеко... никогда такого не было...» и действительно кажется что никогда такого не было, что никогда еще не приходилось идти по этой черной грязи и сжимать челюсти, когда спина снова начинает говорить. И не хочется оглядываться назад – там кто то прыгает через лужу. Давно было...

«Лужи... да раньше бы пригнали сразу двадцать машин и лужу вмиг выгребли... Да... точно выгребли бы... раньше все...» Вблизи грязь не вызывает ничего, даже брезгливости и она привычно шлепает по ней. И снова из этой грязи врывается куда то глубоко, глубже чем в сознание тоскливый и долгий стон и ноги самостоятельно идут, а глаза смотрят на них и не видят ничего. Подтягивается все ближе и ближе дом. «Сумка... Скоро... Скоро...». «Встретить когонибудь» вдруг выпрыгивает откуда то неуловимая надежда и появляется в груди знакомое и неудовлетворимое желание излить боль. Глаза начинают оглядывать скамеечки у подъездов, но что то внутри вздрагивает и она торопиться вперед – ей сегодня никого не нужно... «Никого...»

Поднявшись по лестнице, она ушла с улицы в дом. В доме было не менее пасмурно чем на улице. Почему то хлопал дверьми лифт и она входя в него внутренне сжалась. «Вдруг

застрянет?» Лифт медленно двинулся «Застряну?.. Что тогда... Петя придет а меня нет и есть нечего» – снова как один пугающий образ, но лифт не застрял. Она мысленно вздохнула и поспешила из него открывать свою дверь.

Привычно ворочаясь в малюсенькой прихожей она довольно быстро сняла с себя пальто и ботинки. Сумка. Последние пять шагов с сумкой и на сегодня она больше не нужна. Она с удовлетворением поставила сумку на табуретку, прихлопнула по ней рукой, чтобы стояла прочнее и тяжело вздохнув опустилась рядом. «Сейчас начнется...» и глаза смотрят на часы и действительно – время сериала. И она сидит тяжело отдыхая и в голове начинает виться неконтролируемый поток образов, мыслей и чувств вокруг разыгрывающихся вокруг нее несколько раз в день драм. «Сумка» – падают на нее глаза.

Она торопливо встала и начала разбирать сумку. «Колбаска, сказали вкусная... Сыр...» хождение по рынку вспоминается с болью, и с грустью вспоминаются картинки белых ярлычков за стеклами ларьков, но рука вновь залезает в сумку и боль уходит и становится веселее. «Любимые огурчики... Чесночок...»

...Петя приходит и с улыбкой говорит: – Опять ты меня балуешь... – она улыбнулась мысли.

«Картошку или макароны?... Он весь в деда... картошку... А вдруг!?!... нет уж, нет уж!» Руки по-очереди наполняют водой две кастрюли, «ну и что, сама другое съем, а не

съем все и не жалко... и не жалко...»

—

А что у тебя бабуся?

—

А вот, либо картошка, либо макароны.

—

Ну ты вообще...

Она снова горделиво улыбнулась. «Вода стоит... так... картошка...» руки по многолетней привычке летают в четырех кухонных стенах и только изредка, когда глаза отвлекаются от дела и взор падает на циферблат коричневых часов, напоминает о себе спина, вспоминается почему то кушеточка и сериал, который идет прямо сейчас.

«Ох а ведь интересно... Эта гадина их водит за нос, а они и не замечают... «Ты мой единственный друг!...» А, Патрисия... Как ошибается? И все из-за этого Микелу, он во всем виноват... И как всегда на интересном месте остановили...» Над кастрюльками затягивается пар, на столе появляется скатерть и красиво по краю тарелки ложатся бутерброды. «Ну ничего утром еще раз покажут... Интересно...». Мысли вроде заинтересованно вспоминают эти события, но глаза все чаще падают на коричневый кружок. Все ближе к пяти... Мысли становятся медленнее, а все сознание направлено только на маленькую кнопку у двери. «Обещал около пяти...». Стрелка проходит пять. Звонок молчит. Картошка и макароны уже готовы и стол накрыт. «Да...» звучит

что то в голове, огромное, как облачное небо. «Да...» – это звон или писк... не понятно просто что то охватывает и наполняет.

Она устало садится на табуретку и начинает почему то протирать тарелку, задумчиво глядя вдаль. Руки замедляют свои движения, и вот почти совсем замирают. Пять десять.

Какое то старое забытое волнение и ребенок который сидит прямо здесь у ее ног, на кухне.

– Гоша, опаздывать нехорошо, поторопись, – он здесь новенький и ему нужно быть вежливым... но как это объяснить ребенку? – и волнение усиливается.

– Подождут, – он важно надувает губы и продолжает бить солдатиков палочкой по голове...

–

Гоша... – Мальчик тупо и раздражительно продолжает стучать своей дурацкой палкой.

–

Не хочу...

–

Гоша!

–

Не...

– Быстро одевайся, я сказала... – почему то теряются за- тихая во мгле звуки повышающегося голоса, подзатыльника и обозленного всхлипа... Сын...

Тарелка суха, но рука не чувствует этого, а глаза смотрят

совсем не на нее. Гоша... И мгновенно проносится вся его жизнь короткая, злая и почему то неудачная. Пьяные крики вырывающиеся из страшно перекошенного рта. Потом его лицо сочащееся кровью. Потом снова крик и пение. Потом плотный, как подушка, удар по лицу и затаенный надолго и непонимающий горя страх в материнской груди. Потом непростительное счастье при слове «убили»...

И снова все это проносится как чувство, непонятое бесцветное и неосязаемое и сливается с окутавшим ее звоном.

«Телефон. Телефон... Телефон звонит!!!» -вырывается из звона памяти настоящий звонок. «Не придет» как то грустно и уверенно прозвучало в голове, когда она взяла трубку.

–Бабуся, здорово...

–Здравствуй, Петя, – голос уже сам, по привычке, ядовитый и злой.

–Ты бабуля не обижайся, – прорывается его голос через шум автомобиля, -я приеду сегодня, но часа через полтора... А? Извини...

–Ну что ты... Ничего... Приезжай конечно...

– Так что не сердчай, такие дела вот, бабуся... Картоху готовь! Жди, точно буду.

«Приедет... Картоху подогрею, а макарон, если захочет на сковороду... Да... А если...» Она снова встала, зачем то подошла к плите и принялась глядеть на кастрюльки. «Приедет», и как будто вздрогнули уголки постоянно напряженных

губ.

...-Бабуля, какие макароны без кетчупа, да ты что... Итальяхи ведь все конкретно придумали – эти, макароны, только с кетчупом едят... Да и на картошку тоже святое, ты что... – вспомнила она и засуетилась.

«Кetchup?.. Да в магазине то должен быть наверно...» Она торопливо подошла к окну и прищуриваясь поглядела через пустырь, как будто могла увидеть магазин. «Там спрошу... Да, да... Полтора часа... Как раз... Быстрее...». Рука взяла сумку и внутри как будто в оправдание прозвучало: «легкая ведь...». Быстрым шагом она прошаркала в прихожую и принялась натягивать недавно снятое пальто. Ботинки... Дверь... Лифт...

Прохлада вечера коснулась ее лица. Держась рукой за поручень, она поспешила сойти с лестницы и направилась к тропинке через грязное поле. «Какой приятный карапуз идет. Сам. Ты смотри...» – она замедлила шаг и с чем то похожим на улыбку посмотрела, как смешно растапыривая ножки стремиться к молодой женщине малыш.

–Сколько ему, маленькому?

–Год и два, – гордо отозвалась мама.

–Какой карапуз, молодец, – похвалила она их.

Она вспомнила как смешно плакал маленький Гоша, когда падал первые свои разы. Его лицо милое и родное, маленькое и беззащитное встало перед ней как настоящее и что-то хорошо стало на душе. В голове тихо зазвучала любви-

мая песня, песня которую пела она матерью.

Ноги сами несли через затопленный пустырь к магазинчику. По узкой хлюпающей грязью дорожке идти было сложно, но она не замечала этого, в голове звучала песня и все любимые голоса.

«Кто там?..» Кто то стоял на тропинке, но кто было пока не видно. «Девчушка, что то ковыряется... Позабыла наверное что...Ой, смешненькая какая... Но деловитая, сразу видно...» На тропинке стояла девушка и беспомощно рылась в своей сумочке, то вынимая из нее руку и отводя взгляд вверх, то вновь возвращая их туда, как будто надеялась что то, что она ищет появится там за эти мгновения. «Смешная... Дочурка... Забыла что?»

–Забыла что? – сказала она как можно ласковее.

–Ничего, – огрызнулась девушка.

«Старая, могла бы просто попросить посторониться, а то ведь все с намеками, все с ехидцей... Старье...» Она, слегка толкнув, обошла по грязи странно опешившую старуху. «А чуть им не то скажешь, так в слезы...У-у-у Дура... Как могла забыть... Как...А..Спрашиваю тебя! Как Ты Могла Забыть Карточку? А?. Ну что с ней поделаешь, все нужно вдалбливать все разжевывать, блин...»

Девушка шла быстро, перепрыгивая через небольшие лужицы на тропинке. Глаза умело выбирали оптимальное направление, а тренированные ноги радовались возможности поработать и самозабвенно лавировали между сухими ост-

ровками. Мимо пронеслись колышущиеся в легких лапках ветра заросли сухостоя, чахлые черные кустики, стоящие поодаль дорожки, то и дело попадались взгляду причудливые куски железа или дерева. В опускающейся вечерней мгле загорались первые окна приближающегося толчками дома.

«...бывает со всеми... Конечно, это отрицательное последствие свободы сознания... Опоздаю?.. Как этому последствию потивостоять – просто не спешить никуда... Нет, там ведь до девяти – даже торопиться не придется... проще будет: собираешься – спроси себя, все взяла? Но спроси не между делом, набрасывая куртку... Ничего страшного, успею, успею... ,а осознанно, подразумевая, что конкретно хочешь. И не будет таких...»

С энергией молодости деушка рванула на себя дверь подъезда и мелко подпрыгивая на каждой ступеньке взбежала на третий этаж. Одновременно вытирая ноги и пытаясь попасть ключом в замочную скважину, она для надежности еще и давила на звонок. Дверь поддалась напору и девушка распахнув ее влетела в квартиру.

–Что, что случилось? – в коридоре перед ее взором промелькнуло испуганное лицо женщины.

–Ничего... – крикнула девушка из комнаты, в которую она пробежала не снимая ботинок и теперь копалась в заваленном бумажками столе.

–Забыла что? – Голос звучал за спиной и был уже не взволнован, а сердит, – Ты бы хоть бахилищи сняла, а... Не

убрать ведь будет... Никуда ведь не опоздаешь.

«Опоздаю... Сняла... Надо было снять... ничего...»

—Я вытирала их... Мамуля, не зуди, где карточка моя, а? —
Девушка задумчиво стояла посреди комнаты, глаза старались не замечать мокрые следы на полу.

—Я откуда знаю, ты в сумке смотрела?

«...глупости какие...»

—Ну а че я домой то прибежала?

«Вот блин... а?»

—В столе нет..? в карманах смотрела?

«А что я тут роюсь то... нет в столе... в карманах... тоже мне, за ребенка держит...» Глаза рассеяно бегают по комнате «Где еще, где еще... в карманах...» Девушка безнадежно залезла руками в карманы курточки и выгребла все на стол. Некоторое время она молча смотрела на лежащую на столе проездую карточку.

— Ну видишь, — безразлично сказала мама и вышла из комнаты. — Ты только вытри... Так не уходи, слышишь!.. — прозвучал ее голос с кухни, но дверь уже захлопнулась и по узкой лестнице девушка побежала вниз.

«Как же так...» И в этом образе или звуке сплетаются все мысли родившиеся за последние десять минут. «Как же так, как это возможно?» Девушка идет широкими шагами уставившись в землю и ноги беззвучно опускаются в зеркальные пятна луж. Глаза не замечают различия между сухим и мокрым и — перед ними разливаются разрозненные пят-

на воспоминаний и безответно сливаются в одну большую лужу в голове. «Как... Как... Как же это... Забыла... потом не забыла... ошиблась... и времени сколько... А? Как же так...». «Все ошибаются... Спроси осознанно...» – издевательски произнесла она. «Дура, дебилка тупая... Ну ладно... Не ошибается тот... А я еще успею... Дура... Как глупо то, а? Бессмысленные действия...» – По расчетам ученых, приблизительно девяносто процентов времени в течение жизни человек проводит без пользы... – вспоминается ей голос из радио. «Да бессмысленные действия это... Девяносто процентов многовато... А?... Хотя если считать полезным только непосредственный труд, выполнение осознанного действия... Да ... Сон... Еда... Что еще... Ну секс... глупость...» Секс – что то серое, непонятное, и мысли отскакивают от него и глаза подпрыгивают от земли, ища чем отвлечься... «Бесполезно... Да... Что же я... Это... Да... Ой автобус... нужно успеть...». Девушка оторвалась от мыслей и побежала по хлюпающим лужам к остановке, и ноги снова радостно устремились вперед вызывая какое то веселое, неосознанное и поднимающее вверх чувство.

Слегка запыхавшись она прошла в глубину салона и остановилась напротив окна взявшись за поручень. Автобус тронулся и ноги, приятно раздраженные бегом, с удовольствием напрягались, сглаживая рывки и покачивания автобуса, и упругие ягодички при каждом напряжении ощущали приятное трение облегающих джинс.

Глаза выбрали интересную точку на стекле и плавно перемещаются вокруг ее притягательного образа. «Забыла... забыла... Да... как же...»... «-Такой кобель...» – почему то всплывает в памяти образ красивой девушки, которая с изображая пренебрежение к рассказу, самозабвенно ей что то рассказывает, – «Но ты знаешь, ничего не могу с собой... Божественно... Руками...» – проносятся укалывающие слова... «Дура... кобеля ей... ну..ну... Я тоже... Нельзя торопиться... все продумывать...Ничего страшного, что вернулась...».

«Они ко мне просто липнут! Ну что я могу... – снова говорит ей в лицо эта девушка». Кажется, что чуть дергается подбородок и глаза резко вздрагивая отрываются от стекла, снова пытаюсь найти отвлечение. «Все. Успокоиться... Все нормально... Все ясно...» Глаза становятся злыми и глубокими. «Не думать о белом верблюде... смешные... предлагать все могут, а как это делать... не думать... не думайте сами, если такие умные... верблюды... сами верблюды...». Мельком возникает добрый и понимающий ее голос, который рассказывает ей как нужно бороться со своими переживаниями, как воспитывать себя. Со страниц книги льются ответы и так приятно закрыть глаза и представлять как это хорошо никого не стесняясь... Не волноваться... не переживать... «Спокойно... успеешь...»

За слегка искажающим свет стеклом ползут фары автомобилей, редкими маяками проходят где то на заднем пла-

не расцветенные витрины магазинов и пятнами окрашивают дорогу в желтый цвет фонари. Слабое, тоже желтое освещение салона стоит за спиной и что то шепчет на ухо, расслабляющее и успокаивающее. Все движение и внутри и на улице утопает в этой ровной желтой пыли и в какие то мгновения этот движущийся мир становится комфортным и таким своим, и глаза расслабленно перебегают с изображения за окном на слабо колыхающееся отражение в стекле, и дыхание ровное и спокойное. «Молодец... хорошо...» звучит где то вдали...

...как когда то в будущем она сидит в большом черном кресле и красивые мужчины рассказывают ей план проекта, как она задумчиво, не обращая внимания на того красавца... Принимает решение... Правильное, умное... Как он под каким то предлогом остается чтобы...

Где то рядом зазвонил телефон и девушка вздрогнув прислушалась. Красивая, одетая в дорогую одежду женщина достала из сумочки трезвонящую трубочку и приставила ее к уху.

— Да...

«Дорогой... Говорит... Неудобно слушать...» и глаза вроде хотят сначала куда то спрятаться но вспомнив что то, упорно возвращаются и почти с вызовом начинают рассматривать телефон.

— Еду, еду, да... Уже скоро... Ну пока... Ага... Ну давай, — манерно произнесла женщина.

«Глупая... Ой... «Ну пока»... А?»

...как когда то в будущем она достает из прекрасной сумочки мобильный телефон и решая вопрос не обращает внимания на окружающих. Говорит умно... «Что то типа... ну не знаю что... умно точно...» и красивым голосом говорит напоследок, – Хорошо, все понятно..., – ровно и уверенно...

За такую приятную картинку можно простить глупую женщину и не обращать внимания... На нее, красивую... С телефоном... Деловую... Глаза вновь возбуждаются и стремятся украдкой бросить на нее взгляд, но мысли их не отпускают и не дают покоя – глаза то замирают уперевшись в стекло, то резко набрасываются на образы движущейся за окном улицы, то на сидящую женщину, и снова неуправляемой какофонией звучит внутри разноголосый хор.

Автобус подъехал к метро. За спиной послышалось шептание и кто-то направляясь к выходу ощутимо толкнул ее. Желтый свет фонарей вспыхнул, покачнувшись перед глазами, и исчез. «Кто такой умный, а... Прет... спросить можно...» Она с раздражением развернулась вслед уходящей фигуре «...нести себя гордо, не оглядываясь ни на кого...» снова перед глазами прыгают какие то строчки. Девушка не отрывая взгляда от коричневой спины подошла к двери. «Не лечить же его... дуракам закон...» И глаза отрываются от этой раздражающей спины и смотрят как ломаясь открываются желтые двери.

Упругий шаг снова всколыхивает мир вокруг и глаза вы-

искивая путь в толпе помогают ей быстрее пронестись мимо. «Этого обойти... так... Опять старуха... Мороженое купить что ли? Нет скорее туда...» Обгоняя очередную фигуру она влетела в распахнутую перед ней дверь и не замедляя ни на секунду устремленного только вперед движения, лавируя между пытающимися помешать ей телами направилась к эскалаторам. «Карточка...» – вспыхнуло в памяти, когда она проходила через турникеты, но она удержалась и продолжила думать об умном. Взлетев на ступени идущей вниз лестницы она чуть было не побежала вниз, но удержалась и поправив осанку и выражение лица напряженно и горделиво замерла, стараясь не поворачивать голову в сторону поднимающихся навстречу людей.

Гремя сливаясь звуками воедино два эскалатора. «Ну вот... Опять...» как то тихо и удрученно звучит мысль. Где то внутри, то ли в желудке, то ли в груди появляется волна жара и быстро затухая пробегает вверх вызывая дрожь в плечах и ударяясь в голову. «Смотрят... нет? Посмотри сама...» и глаза быстро и боязливо прыгают чуть в сторону проскальзывая по лицам и скованно замирают где то впереди. На встречном эскалаторе видится что то большое, безликое: светлые пятна на фоне движущейся черноты, и где то в глубине, там, откуда появляется теплая нервирующая волна звучит маленькое и непонятное слово: «Смотрит...». Непонятно кто и зачем, неизвестно откуда и как, но кто то обязательно смотрит и взглядом оценивает ее поведение. И как

только мысль робко заглядывает туда, в глубину и пытается скромно спросить «кто?», и глаза быстро-быстро следуют ей, пробегая по встречным лицам, из этой глубины следует ответ, который вновь обжигает щеки волной краски.

«Комплекс оценочной зависимости... Неуверенность в себе... Вам кажется, что...» – все знакомо и понятно. «Не ставьте их выше... Не должны никому нравиться...» уверенный голос из книжки звучит как в тумане и слова понятны, но смысл их ускользает. «Смотрят... смотрят... никто на тебя не смотрит!».

Девушка сошла с эскалатора и скорыми шагами пошла по платформе. «Почему опять... Ну почему...» плавает неосознанным облаком чувство вины и обиды на себя. «Расслабиться, расслабиться... Спокойнее...» но еще сильнее напрягаются плечи – кажется что руки болтаются как две палки, и откуда то изнутри поднимается новая волна дрожи. «Все зависит от Вас самих, только вы ... неосознанно...» пытаются подбодрить ее голоса умных людей, но ноги напряженно поедают мраморный пол, а глаза срисовывают его мелькающий рисунок. И мысль заглядывающая внутрь пытается найти очередное объяснение волнению и время от времени вспоминаются новые слова.

Двигаясь упругой и быстрой походкой она лавировала между вяло ползущих людей и угубленная в себя спорила с кем то и спорила с собой. Спина, которая по стародавней привычке все порывалась ссутулиться, непрестанно подбад-

ривалась звучными окриками сознания, а плечи напрягающиеся при этом, были понуждаемы расслабиться и двигаться свободно в такт походке – все как надо по науке. Дойдя до середины платформы, она остановилась вполоборота к черному отверстию тоннеля, задумчиво опустив голову. Ноги встали на ширине плеч, уверенно опираясь на мощные подошвы ботинок и превратились в две красиво напряженные линии, подчеркнутые облегающими джинсами. Подхваченные ветром приближающегося поезда свободными движениями начали взвиваться волосы. Со стороны это должно было смотреться великолепно, почти патетически, и поглощенная динамикой движения она почти забыла волноваться, но остановившись сразу ощутила знакомое движение внутри и ноги вздрогнув изменили красивой стойке, а волосы заметались жалко и суетливо.

–...двери закрываются следующая станция Проспект... – тонет на заднем плане.

Она отошла подальше от дверей и остановилась, взявшись за поручень. Глаза привычно бежали по изгибам текущих мимо проводов, играя в знакомую с детства игру...

...-Девушки, у вас так много места, вы нам клочок не выделите... – Взгляд быстро отскакивает от улыбающегося лица и вопросительно преникает к глазам сидящей напротив девушки, та, отрываясь от рассказа, безразлично смотрит на парней, потом переводит глаза на нее и пристально глянув в ее глаза говорит, слегка оттаивая: «Ну садитесь...»

Кто то настойчиво напирает слева и вынуждает подвигнуться, серым пятном исчезает из окна облицовка очередной станции, провода...

...— ха-ха-ха-ха, — сидящая напротив девушка заливисто смеется над чем то, что шепчет ей на ухо этот парень, ее взгляд лишь скользит по вопрошающим и неискренне веселым глазам подруги, и игриво смотрит на собеседника и хохочет, позволяя его губам вновь приникнуть к уху... Рядом чья то рука с кружкой пива, глаза все так же радостно и напряженно смотрят на смеющееся лицо подруги, и губы тоже порываются радоваться вместе с ней, но уже понятно, что подруга смеется не для нее, и внутри гадкое чувство скованности и тупости...

Ее губы сжимаются от такого воспоминания и лицо наполняет легкая краска. «Что же надо было... Дура... Ничего тебе не надо.. Ни на фиг не надо...»

... — Пустые стулья напротив и глаза избегают смотреть на целующуюся пару на танцевальной площадке. Лицо холодное и отчужденное «...ничего не надо...» и глаза уже насмешливо поглядывают на время от времени поднимающуюся вверх руку...

—А пиво невкусное у них, — она поворачивает взгляд на этот звук и становится еще тоскливее от этого слабого голоса и натянутой улыбки. Ее лицо не изменяет выражения, но после этого взгляда молодой человек еще более съеживается и снова судорожно подтягивает пиво к губам... «Оно же

невкусное» насмешливо и презрительно звучит в голове, но все сильнее что то крутится и кажется слезы сейчас хлынут из глаз...

– Пусти пройду... – выдавливает она из себя и стремиться в закрытое пространство, где ее никто не видит...

«И не надо... правильно...» в глазах несутся провода и утвердительные фразы... «Не надо.. на фиг...»

...Вспоминается лицо в зеркале. Оно выглядит спокойным и уверенным, но ей хочется взять сейчас это лицо и засунуть его под струю холодной воды. Девушки рядом шутят и смеются, помогают друг другу с макияжем и приходится бросать на них веселые взгляды и улыбаться, чтобы они не заметили... «Что... что... что... как...» и как ответ, обнадеживающе появляется мысль о новой книге, о новых словах, которые наконец скажут что делать, и становится легче и глаза отрываются от темного застеколья и пробегают по лицам людей. Лица... Интересно... Но вот чей то взгляд устремляется навстречу и она испуганно отдергивает свой и снова бросает в серую бегущую картинку.

А это? – Воздух замирает где то на пол пути к легким, сердце стучит ускоренно и руки дрожат и пугают своей непослушностью. «Успокоиться... Расслабление... совершенно спокойна... – прыгают на заднем плане знакомые выражения, произнесенные уже тысячи раз... Твердая походка и спокойное лицо, спокойна... Она оборачивается к аудитории и желудок куда то обрывается и хочет выпасть из тела...

Стыдно... Злоба на себя окутывает и руки сосредоточенно открывают первую страницу, а голос сжато и неуверенно начинает чтение...

Никто не смотрит... не смотрит.. Действительно не смотрит – молодежь перебрасывается самолетиками и болтает... Голос начинает звучать увереннее и мелькают знакомые мысли и вот уже интересно то, что написано там, внутри. Глаза то и дело прикипают к сосредоточенным и заинтересованным глазам серьезной женщины, сидящей за столом справа, та слушает и удовлетворенно покачивает головой. Мысли возвращаются к книгам, понятным и близким и рука с текстом опускается и голос уверенно и заинтересованно продолжает рассказывать, отходя в сторону и рассказывая интересные подробности... «Могу... могу... А!»

...как когда то в будущем большой зал перед глазами и ровный голос, рассказывающий интересные и нужные всем вещи. Затаенное дыхание и нескрываемый интерес во всех видимых в ближайших рядах лицах, легкий ветерок силы и значимости... «не смогу... не смогу...» как острым уколом снова возникает чувство стыда и огромный зал в котором тысячи непонятных и сильных людей смотрят на нее пугающим ударом стучается в сердце. «могу...могу...» и еще желаннее и нужнее что то, что поможет ей, подскажет как...

– Станция ... – отрывает ее от размышления бодрый голос над дверью, все выходят и она пристроившись за чьей то очередной спиной направляется к выходу.

Снова быстрые шаги несут по мраморному полу, по ступенькам вверх и вниз, снова колыхнется и разбежится в разные стороны мушиным роем толпа и снова кто то хочет помешать и задержать ее. «Красивая куртка, а?..» – глаза вырывают из текущего навстречу потока яркое пятно и какое то время преследуют его, пятно исчезает и снова глаза прыгают с тела на тело, скользят по мрамору и по пестрым вещам торгашей в переходе. Широкая лестница. Быстрым шагом она спускается по ней и торопится к подошедшему поезду.

Она пропустила всех садящихся на поезд вперед, чтобы было удобнее выходить на следующей станции. В быстром беге исчезли позади фигуры людей и камни платформы и снова змейками повились провода. Вверх, вниз, вверх... плавно и вдруг скачком исчезают... «Куда они исчезают, а? ...» глаза снова следят за проводами... «Исчезают... куда... Сбоку...» кто сбоку? Она не посмотрела и сердце смущенно застучало, кто стоит сбоку и смотрит на нее? Молодой человек, а? «Не смотрит...» Смотрит! «Нет!» Смотрит... Кто? Провода вьются и поезд ровно гудит железным воем. «Почему должен смотреть то... Кто... Дура...» Глаза пытаются оторваться от стекла и голова напрягается чтобы повернуться, но сил не хватает – она будто застыла в этом положении. В голове что то крутится и волнует сознание... Один вопрос натывается на другой и сталкиваясь заставляет сердце стучать и глаза вздрагивать каждый раз, когда провода за стек-

лом на мгновение исчезают.

Перед глазами появляется знакомый вид платформы и плотная масса тел, ждущих движения.. Круговорот в голове не прекращается, но все увереннее и громче звучит одна мысль и сознание радуется этому плану. Двери открылись и на секунду замерев девушка бросила заинтересованный, но в секунду убежать взгляд направо, там где... Пожилая женщина смотрящая вниз, усталая и серенькая. И ноги снова быстро плюхают по мрамору и несут к установленной цели, и просыпается внутри какая то маленькая радость. «...получится...» и легкая улыбка падает в глаза.

...как она когда-то в будущем идет по платформе ровным шагом, звонко ступая высокими каблуками, гордая, богатая и красивое пальто вспыхивает при каждом шаге...

Рука сжимает черную резину и тело возносится вверх, подрагивая в такт движущейся лестнице. Глаза привычно опускаются вниз и осматривают ботинки и –низ—джинс, «Ой, грязные...»

Девушка рванулась наклониться и стряхнуть грязь с одежды, но остановилась и –поправила осанку—. «Бесполезно... тем более никто не смотрит на ноги... ноги... не смотрит» и еще сильнее захотелось нагнуться и стряхнуть застывшие капельки...

Наполняясь светом сверху вырос небольшой вестибюль, промчались сбоку лица застывших в ожидании людей и хлопнула перед носом, чуть не ударив, сильно распахнутая

кем то дверь. Девушка мысленно ругнувшись с трудом толкнула тяжелое сооружение и сделав несколько шагов влилась в колеблющуюся толпу.

Сразу окутывает усыпляющей сыростью темнота. Далеко вперед видна мерцающая и переливающаяся светом река проспекта, завораживающая взор непостижимой сложностью и красотой. Слабо подрагивая в сыром воздухе желтые всплески фонарей очерчивают ее берега и свет от них взбегает вверх, соединясь с огнями букв и схваченных прожекторами застывшими изгибами зданий. Ограниченный этими высокими берегами, поток автомобилей кажется быстрым и бурным. Каждая отдельно, машина проносится по горящему своим, отраженным светом полотну и наполняет воздух тихим звуком льющейся воды. Проносится, оставляя после себя этот замирающий звук и легкое, танцующее в лучах облако из мельчайших капель. Проносится, и соединяется вдали с другими, становясь частью одного большого сверкающего и мигающего светом тела устремляющейся вперед реки. А звук поднимаясь со всех сторон превращается в единый дрожащий гул потока, и капельки, сливаясь в мокрый туман наполняют тяжестью темный воздух и медленно кружась устремляются вверх, к невидимым за ярким свечением, но оттого еще более близким и суровым утопающим во тьме тучам.

Не пытаясь бороться и опережать толпу, девушка шла по

пропитанному водой асфальту и заинтересованно вглядывалась в огни живущего проспекта. Справа исчезало в нетревожимой редкими фонариками темноте светлое полотно окочанной камнями речки – и ей захотелось уйти вглубь города, по этому узкому и высокому тротуару набережной; слева могучим сфинксом грозно смотрел на нее уносящийся со светом вверх величественный собор, и ей показалось, что и сама она улетает куда то вверх по лучам отражающимся от купола; а вдали кружилась и мигала ей всеми своими огнями жизнь и ей хотелось бежать именно туда. Девушка резко свернула с тротуара и исчезла за высокой дверью.

Еще одна распахнутая дверь и глаза прикипают к появляющимся то там, то здесь вывескам с названиями. «юридическая... бухгалтер... эконо... Вот...» Девушка подошла к стеллажу с экономической литературой и немного задумчиво остановилась перед ним. Глаза бегали по заглавиям книжек и старались найти хоть чтонибудь знакомое... «Маркетинг... проходила... про что там?... маркетинг... это... Так, вот инновационный менедж... да... ведь было... было... Нужно учиться, да... Буду... книгу надо хорошую... стратегический менеджмент... вот, точно, это и говорили...» стратегический... перед глазами что то большое и великое, как и все впереди, и она должна знать это и будет это знать... Девушка взяла с полки книгу и бегло пролистала оглавление «планирование... ресурсы... Да, это надолго... нужно еще... нет с учебы хватит...» Глаза снова забегали по разбросан-

ным в окружении табличкам, ноги пришли к ним на помощь. «Спорт... животные, дети... не то... но где же... где психология...», книга которая должна помочь была где то здесь, но где... «... спросить...». Она остановилась от этой мысли.

«Что спросить?» – мысль прогремела громко и злорадно и она сразу вспомнила, как резким движением бросила на стол вынутую из кармана записную книжку со списком литературы, вспомнила как некоторое время тупо смотрела на проездную карточку лежащую там же, потом схватила только ее и выбежала из дома, а потом всю дорогу шла и ругала себя за рассеянность и учила, как нужно собираться, чтобы ничего не забывать. Она остановилась перед полкой из которой выглядывали разноцветные книги. Их было много и все они были по психологии и какую точно ей нужно она не знала.

Она взяла одну. Интересно. Рука поставила на место еще одну книгу. «Спросить...» промелькнула мысль. «Спросить о чем... «Мне нужна книга... такая книга чтобы все сразу... Чтобы прямо прочитать и научиться управлять собой»... Ну, ну ...». Она бросила взгляд на стоящую неподалеку женщину с табличкой на груди «Что?...» Внутри вспыхнула такая волна злости, что она с хлопком бросила книгу на полку и не обращая внимания на удивленный взгляд женщины пошла к кассе.

Кассирша как назло не торопилась и медленными движениями ковырялась с книжкой, тыкая в нее прибором и запиная в нераскрывающийся пакет. Снова ощущая злобный

поток мыслей и сжимая в руке глупую книгу, девушка быстрым шагом ушла на улицу. Губы подрагивали от обиды и мышцы на лице напрягались так, словно хотели немного поплакать. «Чего такого то... чего волноваться...» мысли звучали ровно и сознательно, но глаза все равно угрожающе высыхали и хотели.... «господи, поедешь завтра и купишь эту вещь... в чем проблема..?» проблемы действительно не было, но плакать хотелось. Глаза даже не пытаются подниматься от земли и черный асфальт тротуара, гранит метро и облицовка эскалатора проплывают где то на заднем плане, не сильно мешая разыгравшейся буре мыслей и не отрывая от нее внимание.

«...обидно... специально ехала...» как будто кто то оправдывался, «ну и ничего, ничего, книгу то купила, тоже нужную...» звучало в ответ, но та, ноющая мысль не утихала. «Ну давай подумаем, чем ты недовольна», – была призвана на помощь логика, «тем что не купила сегодня эту книжку?.. Нет. Тем, что устала от поездки..? Нет.. Чем же?» «обидно...» – плакало что то внутри. «Что обидно то, уже кричал непонимающий и выходящий из себя голос разума, что тебе дура обидно?», «...обидно...»...

Что с этим делать? В глазах стояла только родная домашняя кровать, и тело уже ощущало мягкий удар о матрас, когда ворвавшись домой она разденется и пробежав в комнату уткнется носом в подушку и будет отдыхать. «...устала...» Усталость вылезала откуда то изнутри, и ноги такие бодрые

всего час назад уже просили отдыха и дыхание было неровное и спертое, а на лбу напрягалась маленькая задумчивая морщинка. «Домой, домой...», ноги несутся в подземном движении и в глазах отражаются то разметка гранитного пола, то вьющиеся за окном провода. «Домой...» прыгает одна мысль и кровать – самое желанное место на планете.

...Не обращая ни на кого внимания и толкнув пару попавшихся под руку человек, девушка рванулась на освобожденное место, безвольно плюхнулась на сиденье и закрыла глаза. «Спокойная... расслабленная... совершенно спокойная...», но забытое было слово вдруг с новой силой вспыхивает внутри и самой желанной кажется мягкость постели, «..обидно...». «...спокойная... спокойная...» травка... солнушко... Вспышка. «спокойна... покой... а чего волноваться... зачем... обидно, да, но ведь все ошибаются... Да все ошибаются, постоянно и вообще, кто знает что правильно, а что нет...» эта последняя фраза звучит уж очень противоречиво и снова тело вспоминает успокаивающую мягкость подушки, но уже не ударяет в мозг громкое слово. Дыхание успокоилось и мысли не прыгают – удалось забыть, хочется только одного – домой, скорее домой. Еще две остановки, потом десять минут на автобусе и дома... «Все... устала сегодня. Завтра буду...»

Вагон значительно опустел и только несколько человек в разных его концах были вынуждены стоять на ногах. Глаза рассеяно пробежали по лицу молодого человека, стояще-

го почти напротив. « смотрит...» безразлично сказали они. «что смотрит?...» глаза еще раз остановились на его глазах и достаточно долго противостояли им. «смотрит... ничего не надо...» вспоминается недавний вывод и в глазах снова лишь покой и мягкая постель. Боковое зрение тем не менее не спит, оно чувствует, что молодой человек смотрит в ее сторону и легкое волнение привычно начинает выползать из под спокойной кровати. «о боже...» Глаза менее спокойно, но уверенно и вызывающе обращаются в его сторону, но зря готовилась – он явно смотрит не на нее, а на девушку сидящую рядом. «Ну вот» удовлетворенно успокаивается мысль, но звучит она с легким оттенком обиды. «Скоро, скоро...» и глаза вновь останавливаются на лице этого человека и он снова смотрит прямо в них. Внутри нарастает накопившаяся за день злоба и порывом хочется встать и сказать что то обидное этому нахалу, но он отводит свои глаза и продолжает смотреть на девушку сидящую рядом. «Нахал... Смотреть неприлично...» и сливаются в одно чувство разные мысли, но вдруг мелькает новая мысль и она вспоминает как долго смотрела ему в глаза и ее глаза опускаются вниз, а внутри зарождается знакомая волна дрожи и когда она снова бросает быстрый взгляд на молодого человека, волна легким толчком ударяется обо что то в ее голове.

«Подожди, подожди, подумай. Поток чувств еще никому никогда не помогал. Посмотри что тебя так взволновало? Ты видишь двух девушек, они тебе нравятся, проблема в чем?»

Его глаза встретились с сияющим взглядом сидящей напротив девушки. «... в чем... чем... думай! Господи, просто: проблема в том, чтобы выбрать!» он снова опустил взгляд в пол и лицо его приняло озадаченное выражение. «И та и та нравятся, как то по разному, что ли... Эта просто неотразима, хоть меня и постарше немного, но божественна и по глазам видно, чего хочет...» Он вновь бросил быстрый взгляд на гордый профиль, ему показалось, что губы слегка улыбались... «Эти губы...» Гадать то не надо, человека по лицу раскрыть не возможно, но попытаться понять... Понять, как всех других... Зачем? Я уже долгое время смотрю на них и каждый раз что то новое – каждого понять невозможно. А эту? Почему именно эту? Ее я и так приблизительно понимаю. Взрослая женщина, наверное без мужчины, раз кольца нет, деловая и занятая, а секса хочется, а парень красивый... Надо это, а? Не надоело ли?... Но она ведь не глупа, видно что гордая и уверенная в себе... Или самодовольная...

Но чем же мне эта девочка нравится? Она же не красива совсем. И видимо не умна. Зажатая вся, боязливая... Но как глазами сверкнула! Что это бывает такое? Сила? Вера в себя? Вот чем... Вот чем нравится. Что ж? Просто «понять и отпустить»? Она мне больше интересна, это точно. Как завораживает все таки эта борьба с собой, каждый раз когда видишь... Понять а может и помочь...» Он почувствовал как из груди поднимается боьлшая и добрая волна и на мгновение она стала такой большой и хорошей, что у него свело

скулы и глаза немного увлажнились. «Время есть... Повожу ее на репетиции, познакомиться с Людьми...».

Поезд замедлялся – это конечная станция. Он заинтересованно разглядывал новый для себя вид и глаза улыбались, доброе чувство наполняло грудь и было приятным и бодрящим. «Ну действительно, не просить же ее подвинуться, чтобы познакомиться с соседкой, она и так то наверно недовольна будет, хотя чего ей...» и улыбка вновь тронула его глаза, когда он в красках представил эту сцену. Девушка встала и подошла к двери. Он следил за ее движениями и понимал, что все ее внимание сейчас приковано только к одному существу в мире. «Что же ей сказать», он подошел и встал за ней, почувствовав, как она напряглась, «сказать, что меня поразила блеск ее глаз – не поверит... Любовь... тоже, я думаю у нее самооценка более менее объективная... Говорить надо всегда только одно – то что думаешь... Хорошо что у меня это как правило совпадает с тем, что правильно...» «Как правило, что правильно... Тафтолог пятой степени!» И уже улыбаются губы и накопленное чувство нетерпеливо ждет выхода в веселом общении.

Двери открылись и он на мгновение застыл перед выходом. Голова повернулась и он бросил пристальный и глубокий взгляд в глаза сидящей еще женщины. «И она интересна... что то есть... скрытое...». «Поздно», он рывком вышел из вагона, увидев в последний момент, как женщина встала и направилась к другой двери...

«Что ж это ты старушка...» она подходила к выходу и глаза заинтересованно прикинули к черной полоске между вагоном и платформой – казалось, что там очень глубоко...

– Девушка, извините что я... – слышались пролетающие мимо слова.

Она сначала не поняла и глаза удивленно взметнулись вверх, оторвавшись от провала, и хоть в следующую секунду уже определили ситуацию и снова стали недоступными и сосредоточенными, но этот голос как будто продолжал звучать в ушах, затихая вместе со стуком всколыхнувшегося было сердца.

«Что ж ты старушка... Неужель у тебя еще способно сердечко биться, а?... При виде маленьких мальчиков... Красивеньких, сочных... Старая шлюшка.» Легкая улыбка над собой тронула губы и во взгляде на мгновение показалась удаляющаяся пара: сосредоточенная и скованная девушка и молодой человек просто и дружелюбно с ней болтающий, показалась и потерялась в толпе а взгляд нашел более интересные виды. Она расправила плечи и сосредоточилась на собственном шаге.

Стук, стук... Каждый шаг сопровождается громким и отчетливым ударчиком – это нога облаченная в точеную туфельку прикасается к земле ее каблучком. Прикасается, чувствует над собой воздушную легкость проносащегося тела, элегантно и мягко сгибается и отрываясь от земли готовится к новой с ней встрече, выпрямляясь в умопомрачительную,

стройную струнку. И медленно отрывается от земли и незаметно тает в воздухе легкий туман красоты, поднимающийся от сливающихся позади в линию следов и вздрагивает и в легком волнении клубиться встревоженный облакокрыльми взмахами фалд улетающего вперед прекрасного белого пальто.

Продолжая двигаться и ощущая мягкие толчки от соприкосновения ноги с землей она начинала ощущать прекрасное и возвышенное, поэтическое чувство. Сначала казалось, что она дарит свою красоту лишь окружающим, которые с восхищением в глазах все, и мужчины и женщины, смотрят на нее, но вскоре и сама начала наслаждаться движениями отточенных ног и красивых плеч. На подходе к эскалатору глаза еще один раз вырвались и бросились куда то вверх, но ножки быстро и прочно утвердились на движущемся постаменте и глаза снова безразлично и холодно смотрели в никуда, не обращая внимания на бесконечные молящие взгляды спускающихся навстречу мужчин.

Стук, стук... Плавным потоком она направилась к единственной открытой на выход двери, стараясь не касаться кружащихся около нее сжатых узким пространством выхода тел. Люди видели ее и бессознательно расступались, предоставляя дорогу, так они подчинялись ей, глупые и некрасивые люди, умной и прекрасной...

Сзади немного подтолкнули, и ее лицо почти прижалось к грязной и плохо пахнущей кожаной куртке. Какой то амбал

впереди даже не почувствовал толчка ее рук, которые попытались отстранить лицо от этой гадости и медленно и грузно продолжил движение вперед. Сразу вернулось ощущение реальности и все переживания этой поездки вновь восстали перед ее глазами.

«Красавица, еб твою мать, кой черт дернул переться в это чертово метро? Ну в чем радость, а? Глупости...» Ноги кое как переставлялись в пожирающей ее толпе. Ей хотелось спрятать лицо – ее тошнило, настолько осязаемым и гадким показался теперь этот запах, запах который она почувствовала сразу по входе в метро: смесь из грязи миллиона дижущихся ног, пота неопрятных рабочих тел, гнилых продуктов в сумках маленьких гнилых старушек, желтых зубов вожделенно разевающих рот прыщавых подростков... «Ни за что... больше никогда» еще десяток шажков и свобода, «пять лет не залезала сюда и больше никогда и ни за что не полезу...» Она со злостью толкнула дверь, толкнула так, что та ударила кого то идущего за ней??. «Зачем... Зачем?» она подавила в себе желание обернуться и устремилась вперед.

И туфельки снова застучали по мощеному тротуару, озаряя темноту вокруг этим чудестным звуком. Они несли ее, выделяющуюся ярким далеко заметным пятном посреди этой серой безысходной толпы и все люди чувствовали, что она идет не только для себя, но и для них тоже и все смотрели на нее и любовались. Она дарила некоторых избранных своим взглядом, но скорее по привычке, нежели от желания

порадовать их.

«...Нет уж, нет уж... такого мне точно не надо... и даже ради того, чтобы развлечься туда соваться не стоит. Что же меня подвигло на этот поступок?.. Слушай, просто глупость беспричинная. Села бы в такси, спокойно долетела бы до дома, нет надо было представляться перед Палычем... Вот это вполне вероятно... Пусть знает, что его сотрудники на метро ездуют, бедняжки... Но все равно глупо – он то вероятно знает, сколько мне платит... Ну ничего...» Мысль была оторвана звуком телефона. Рука привычно достала из сумочки маленькую шняжку и пальчиком легко открыла ее, голос спокойно и серьезно произнес:

–Да, Сергей Павлович.

–Анастасия Валерьевна, я вот что еще забыл вас попросить... Кроме этого плана, вы оцените пожалуйста и возможность аренды складика... То про что мы с вами говорили.

–Это тоже до завтра?

–Ну в принципе не обязательно... но если не сложно, если мы завтра будем это знать... То лучше будет.

«Но если не сложно»... Она с издевательской миной прошептала вместе с ним знакомые слова

–Хорошо Сергей Павлович, я все помню, у меня и дома и с собой есть информация. Что есть подберу, а завтра посмотрим подробно.

–Спасибо, Анастасия Валерьевна, но вы уж не переутруждайтесь... У нас с вами еще много дел впереди. – Он попы-

тался придать голосу шутливое и многозначительное звучание

–

Хорошо, все понятно. До завтра Сергей Павлович. – она вспомнила его седые, прилизанные волосы и снова скривила губы.

–

До свидания.

Анастасия Валерьевна положила телефон в сумочку. Некоторое время ее глаза пытались объяснить где она находится, но удалось это не сразу – было слегка непонятно что заставило ее зайти в универсам, когда она знала, что в плане еды дома полный порядок. «чего то вкусенького хотелось, что ли... Да! точно, чего то вкусенького» – она взяла тележку и двинулась вдоль прилавков. «устала сегодня... что то... сколько времени потеряла в этом «КПП», как его назвать... рыбки, что ли... ладно. Да и как вообще оценить выгодность аренды? Только какие то гипотетические, интуитивные оценки... смотреть то все равно надо... а что это такое? интересно... как еще решить этот вопрос? Только найти все предложения и... Ладно кончай... голова и так уж болит, а если себя еще в сомненья загонять... Тортик?..» Она остановилась напротив кондитерского отдела. Тортик это будет уже слишком. «А что, я не могу съесть торт когда захочу?» Начал повышать голос кто то внутри. «Можешь, можешь, отстань» Глаза в споре с собой бегали по выставленным на вит-

рине чудам природы.

– Вот тот тортик дайте, – протянулся указывающий палец. Компромисный тортик был и мал и вкусен на вид.

«Съем и побегаю... Завтра тренировка, завтра побольше нагрузку...» «Да ладно, отстань ты, ешь чего хочешь» еще бурчали друг на друга спорщицы.

«Ладно, сейчас дома все просмотрю подробнее и уже можно будет предложить решение... Но то что в пригороде предлагают для склада самое лучшее, это и сейчас видно, что то другое искать, что ли для достоверности...» ... «Все молчу, молчу...» – нужно, нужно успокоиться и немного отдохнуть.

Расплатившись в кассе Анастасия Валериевна вышла через предупредительно раскрывшиеся перед ней двери и неторопливо направилась к дому, который поблескивал в темноте мокрым кирпичом в какой то сотне метров от станции. Под мерное движение ног, стремящихся к близкому отдыху, сложно сосредоточиться на какой то одной мысли, да и глаза уже расслабленные знакомым пейзажем больше не застывают неподвижно в горделивой красе, а заинтересованно изучают окружающий мир. И в голове как всегда начинает бежать бессвязный поток каких то близких, недавно виденных образов, недодуманных сегодня мыслей и непережитых переживаний.

Перекатываясь с образа на образ, как бегущая вода перекачивается с камня на камень, сознание видит лица из сегодняшнего дня. Лица людей, которые каждый день проносят-

ся мимо по тротуару замерев в своем суетливом и непрерывном движении теперь превращаются во что то медленное и плавно двигающееся, двигающееся так же плавно, как и она. И хочется снова представить себя отдельной и выделяющейся цветастым пятном... но не получается – и как то наивно и глуповато вырастает обида на то, что это так. Мысль отпрыгивает от этого заключения и вот снова спасительной картинкой выступает зловещая, пугающая толпа, которой лучше быть непонятной и безликой.

«ну ладно... скажем так, молодец что выдержала... Уже точно... точно помню, ведь хотела же на следующей же станции выйти и поймать машинку? Хотела. Но удержалась... Исследовательница юная. Если бы тот мальчик место не уступил конечно бы не удержалась... – еще и стоять всю дорогу, но так... Одежда у Них конечно... Может быть и кажется, но попахивать действительно может... нет, нет, уже просто нельзя туда залезать – это психологическая травма...». Почему то снова перед глазами устремленный в них взгляд того молодого человека... «ну конечно не без интереса поездка... хоть показала ты свою блядскую натуру... Нет, не то что мужиков только в метро найти можно, думаю в кабаке приличном их не меньше... но когда ты последний раз в кабаке была?.. А? Неужели...» Она в сомненьи вздохнула метущимся мыслям и понянула на себя легко открывшуюся дверь.

Консьерж дружелюбно улыбнулся и кивнул ей головой,

она слегка ответила ему – не нужно воспалять его мысли, и проплыла к лифту. Под ровное гудение поднимающейся кабины пытался выстроиться в логичную цепь план ближайших действий, но мысли почему то не соединялись, и каждое дело, которое надо было сегодня сделать оставалось одиноким и не находило своего места во времени – мысли прерывались на середине и в сознании все кружилось: картинки сегодняшнего дня, дела фирмы и какие то свои, затаенные но самые важные мысли. Стесненная пухленьким пакетом и в задумчивости не догадавшись переложить его в другую руку, она с трудом достала правой рукой из левого кармана связку ключей, пальцами одной руки выбрала нужный, потом быстрым движением открыла мощный замок и скрылась за дверью своего дома.

Захлопнулась дверь и Анастасия Валерьевна сняв только туфли прошла на кухню, чувствуя ногами освежающий после долгого дня холод напольного мрамора. Посадив пакет на стул и привычно включив телевизор, который наполнил квартиру звуком, она легкой и неторопливой походкой прогулялась до прихожей, где скинула с себя пальто и повесила его на выполненную в старинном стиле деревянную вешалку. «...делать. Надо делать... Что? Так, по работе все понятно, до вечера успею, кушать, надо сейчас покушать...» Столь же неторопливо она прошла и в спальню и переделалась в мягкое кимоно, бросив одежду на широкой кровати. Одевая

халат кимоно, она присела на край кровати. Сразу захотелось упасть на спину и поваляться не убирая лежащую одежду, чувствуя как отдыхает каждый кусочек тела и мягкими усыпляющими руками охватывает тело нежная ткань. Анастасия Валерьевна слегка откинулась назад, как будто собираясь упасть на кровать, быстро встала и пошла туда, где гремел что то телевизор.

Пакет стоял на стуле и по-видимому надо было бы его разобрать и приняться за потребление деликатесов, но ни салат, ни икра, ни рыбка, ни неизвестное соусоподобное зеленое вещество в банке не вызывали прилива аппетита. Зачем это все было куплено? «Не хочу?... Не хочу. Ну и не надо.» Пакет целиком исчез где то в недрах холодильника. «Зачем было тратить столько времени и денег...» поитересовался кто то на краю сознания, «могу себе позволить!..». «Все понятно...» – тихо прозвучало в ответ. Она достала из холодильника пару стаканчиков йогурта а из дубового шкафчика над стойкой вкусную булочку и удовлетворенно и расслабленно раскинулась на мягком стуле.

Из телевизора кто то почти выпрыгивал в плохо скрываемой надежде развлечь ее. Он строил то серьезное, то веселое лицо говорил то многозначительно, то просто и люди которые находились вместе с ним по ту сторону экрана доверчиво подыгрывали ему, выглядя от этого еще глупее чем есть на самом деле. АВ не смотрела в экран, телевизор – глупая неинтересная вещица, без которой тем не менее так ти-

хо и непривычно... Она задумчиво поглощала вкусное желе и откусывала небольшими кусочками булочку. Медленно двигались челюсти и глаза были где то далеко, очень далеко от умного лица на телеэкране. Мысли уже устали думаться и поэтому молчали, опутывая тело лишь в волны образов. Что хотелось сказать себе – непонятно. Слившись в единый и не произносимый словами комок проносилось в сознании то что обычно называется памятью. Кружились далекие, и уже почти забытые мужские лица, или лица близкие и еще ненавистные... Вспоминалась кутерьма свадьбы и веселое и беспокойное лицо в зеркале – отражение молодой и наивной девчонки. Вспоминалась кутерьма другой свадьбы и было уже непонятно, чему могла радоваться та глупенькая молодая девчонка, если только теперь в двадцать пять лет можно все правильно понять, оценить и принять решение... Потом эти две свадьбы сливались воедино и обе тонули в вопросе «Почему?».

С другой стороны, оправдываясь и доказывая что то всплывали картинки многочисленных деловых переговоров, каких то встреч с начальниками и подчиненными, какие то важные проблемы, которые заставляли ноги двигаться быстрее, поднимаясь по сливающимся в один образ лестницам... Возникали слова благодарности и уважительные взгляды, взгляды мужчин признающих ее и готовых у нее учиться, снова слышались приветственные тосты в ее честь и аплодисменты в ее одобрение. Но потом опять прибегали откуда

то воспоминания о счастливой, разрывающей губы улыбке и наполняющим все тело покое когда лицо довечно и влюбленно прижимается к теплой груди, а руки с силой стального капкана охватывают его любимую спину.

«Чего то хочется, а чего не знаю...» издевательски представила она себя гнусающей маленькой девочкой, хотеть неизвестно чего – стандартное желание маленьких девочек. «Вечно будешь недовольна и вечно будешь чего то хотеть... Жри давай...» она энергично доела свой обед и бросив упаковки в ведро вышла с кухни.

Вынув из сумочки дискету АВ бодрым и деловым шагом принесла ее в гостиную где стоял компьютер. Сколько то времени понадобилось на то, чтобы быстрыми и четкими движениями заставить загудеть большой принтер. Пока листы один за одним выпрыгивали из его рыгающей пасти АВ задумчиво опустив голову прогуливалась по мягкому ковру. В голове уже почти сформировался план действий, но нужно, нужно было еще раз все просмотреть, как говорил опыт какая то мелочь, вовремя замеченная могла избавить от многих лишних трудозатрат. Она знала, что эти мелочи на деле все равно возникнут, либо проникнув незамеченными из плана, либо родившись в процессе работы, но чем полнее и глубже он будет проработан, тем проще будет найти решение для родившихся задачек. Взяв толстую и еще теплую кипу листов АВ удобно подложив под себя ноги устроилась на диване под мягким и хорошо освещающим листы светом ма-

ленькой лампочки.

Побежали перед глазами знакомые слова, привычные картинки. Рынок, доля, динамика... Она сравнивала изучала, искала интересные мысли и с упоением погружалась в обволакивающее состояние работы. Пачка просмотренных листов росла, увеличивалось число отметок в записной книжке, и то и дело отрывались от белеющих в свете листов глаза и замирая в мысли смотрели в дальний темный угол комнаты, и ее лицо выглядело все более спокойным и расслабленным.

Когда цифры стоящих на столе часов уже говорили о том, что новый день начался, АВ отложила последний лист и легким движением бросила на диван записную книжку. Томный звук вырвался из ее груди когда она подняла вверх руки и напрягая все тело потянулась. Чуть неуверенными шагами, убаюканная монотонным мерцанием листов, букв и мыслей она прошла на кухню. Телевизор снова осветил ее жизнь своим радостным присутствием и быстро возбуждаясь зашумел чайник.

АВ некоторое время стояла перед холодильником «Ну уж после полуночи такие вещи вытворять... это сильновато...» Но желудок не шутил, голод был непривычный, сильный и побеждающий. «Это потому, что я сегодня устала.» вяло прошла в голове мысль и махнула ей рукой. АВ достала из холодильника пакет, а из пакета тортик и банку с икрой.

От соединения в одно чувств голода и вины, поздний ужин казался в сто раз приятнее и вкуснее. Улыбаясь своей

маленькой шалости, она с жадностью съела пару бутеродов с икрой закусывая их тортом и запивая все это чаем. Доест весь торт и скушать еще будербродов совесть ей все же не позволила, хотя раздраженный таким приключением желудок и готов был на продолжение подвига. Игриво оглянувшись по сторонам «Не заметил меня кто, А?» АВ собрала следы преступления со стола и запихнула все в холодильник.

«Что ж киса...» ноги быстро донесли ее до душа, «Что ж, признай, что твоя затея со свободной жизнью неосуществима» и руки медленно начали растягивать пояс, « все что ты делала сегодня, да не только сегодня, уже давно все только лишь замаскированное желание...». «Вспомни гордую походку и тысячи взглядов устремленных на себя... Что ты при этом испытываешь? Возбуждение... Вспомни как ты ходила по улице, когда была любима своим мужчиной – легко, свободно, не задумываясь ни о ком вокруг...». К лежащему на кафеле халатику добавились легко соскользнувшие вниз штаны. Она медленно и играя с собой взглядом в зеркале начала снимать нижнее белье. В который раз уже за сегодняшний день она поймала себя на мысли о том красивом мальчике в метро. Вспомнила, сколько раз где то на краю сознания проносились возбужденные мечтой мысли и сколько действий она сегодня совершила под влиянием так неожиданно охватившего чувства. Как не скрываясь, а почти прося смотрела ему в глаза... как стараясь заглушить вспыхнувшую обиду шла по платформе и старалась не замечать

идущую впереди пару... как возбудила мечта о знакомстве с ним, о неторопливой прогулке до ее квартиры и вкусном обеде вдвоем, мелькнула и заставила зайти в магазин... как много раз в течении вечера пробежала по телу волна жара от мысли о прикосновении его ласкающих рук, но потом глаза вздрагивали и снова упорно и сосредоточенно приникали к прыгающим буквам, стараясь отвлечь ее...

Она оторвала руку, которая уж слишком вдохновенно гладила кожу ее красивого тела, пока она, ощущая несущиеся в голове мысли поворачивалась перед зеркалом и не отрывая взгляда любовалась вдохновенным движением точеных линий. «Для тридцати лет ты слишком молодо выглядишь и слишком стариковски думаешь». Она посмотрела себе в глаза и покачала согласно головой. Легким облачком отражение исчезло из поля зрения и руки открыли двери душевой кабинки.

Долго и с удовольствием она мылась, потом вышла разгоряченная и расслабленная и накинув ночную рубашку легла в большую постель и накрылась теплым одеялом. Она с трудом засыпала и ей казалось, что теплые руки согревают ее, трогают ее лицо, плечи, грудь, проникают между ног. Ее тело загоралось от вожаделенных образов и остывало после того как они исчезали. Наконец собравшись и прорвав предсонный туман она властно приказала себе не думать об этом и с громким вздохом прижалась к подушке и охватила ее рукой. Она быстро заснула – сегодня она очень устала.

Еще один день был завершен и наступала еще одна долгая ночь раздумий. Кто то прориник из темноты комнаты к холодному стеклу окна и сухими от усталости глазами долго наблюдал, как издеваясь снова выползает из темноты туман. И снова в бесконечной попытке объять необъятное кто то пытался слиться с туманом и проникнуть в каждое